

ПОСЛОВИЦЫ - КАК ЕДИНИЦЫ КОНСТАТИРУЮЩЕГО МЫШЛЕНИЯ

Гюльмар Исрафилова

Азербайджанский Университет языков, Баку, Азербайджан
e-mail: gulmar.aliyeva@gmail.com

Резюме. В статье, внутренняя форма паремиологической единицы рассматривается как базовая сущность. Показывается, что концепты, представленные в смысловой структуре паремий, находят свою когнитивную интерпретацию, во многом благодаря степени прозрачности и степени экспликации категорий межкомпонентных смысловых отношений.

Ключевые слова: паремиологические единицы, языковая картина мира, контаминация, концепт.

ATALAR SÖZLƏRİ TƏFƏKKÜRÜN MÜƏYYƏNLƏŞDIRİLMƏSİ VAHIDI KİMİ

Gülmar İsrailova

Azərbaycan Dillər Universiteti, Bakı, Azərbaycan

Xülasə. Məqalədə paremioloji vahidin daxili forması əsas vahid kimi nəzərdən keçirilir. Göstərilir ki, atalar sözlərinin semantik strukturunda təqdim olunan anlayışlar daha çox komponentlərarası semantik əlaqələrin şəffaflıq dərəcəsi və izah dərəcəsi ilə əlaqədar olaraq öz koqnitiv şərhini tapır.

Açar sözlər: paremioloji vahidlər, dünyanın linqvistik mənzərəsi, kontaminasiya, konsept.

PROVERBS AS UNITS OF ASCERTAINING THINKING

Gulmar Israfilova

Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan

Abstract. In the article, the internal form of the paremiological unit is considered as a basic entity. It is shown that the concepts presented in the semantic structure of proverbs find their cognitive interpretation, largely due to the degree of transparency and the degree of explication of the categories of intercomponent semantic relations.

Keywords: paremiological units, linguistic picture of the world, contamination concept.

1. Введение

В последнее время пословицы и поговорки изучаются в русле лингвокогнитивных установок, в русле лингвокогнитивной трактовки не только вышеотмеченных категорий – концепта, языковой картины мира, внутренней формы, свойств концептуализации и т.п., но и анализа когнитивного механизма отдельных семантико-синтаксических категорий, как отрицательное сравнение, структура иронии, модальных сеток, категорий активной/пассивной субъектности, прагматических целеустановок и т.п.

Данные вопросы становятся предметом анализа как отдельных статей, так и объемных монографических работ, в числе которых особо следовало бы отметить книги В.Н.Телия, Л.Б.Савенковой, Г.Д.Сидорковой, В.А.Масловой, Т.Г.Бочиной и др.

Несмотря на то, что в этих работах дается исключительно аргументированная квалификация основополагающих прагматических и лингвокультурологических

характеристик, вместе с тем остаются вне поля зрения некоторые существенные для лингвокогнитивного освоения паремиологических единиц показатели.

Общеизвестно, что паремиологические единицы (особенно пословицы) являются единицами констатирующего мышления. Они выражают утверждения – либо негативные, либо позитивные. Это накладывает, естественно, определенный отпечаток и на их семантическую структуру, и на их формальное строение. «Синтаксическим инвариантом такой структуры является двусоставное» распространенное повествовательное предложение, представляющие номинацию так называемого событийного концепта [6, с.120]. Этот показатель весьма существен для системы паремиологии, особенно для пословичных конструкций. Однако пословичные конструкции, как известно, строятся не только по отмеченной модели распространенных двусоставных предложений. В основной своей массе пословицы представляются двучастными (бинарными) сложными предложениями с явно выраженными логико-смысловыми отношениями между компонентами (частями) – условно-следственными, причинно-следственными, отношениями противопоставления, пропорциональности и т.п. А это свидетельствует о том, что структура (архитектоника) пословиц оказывается принципиально зависимой от диалектики взаимосвязи фактов и явлений действительности. Эта диалектика и лежит в основе отмеченного констатирующего мышления говорящего субъекта, который создает, конструирует «портрет» картины мира или фрагмента этой картины по законам логики и диалектики отношений внеязыковых реалий. Нам представляется, что подобная диалектическая закономерность безусловно характерна не только для бинарных (структурно биполярных) конструкций, но она существенна и для простых распространенных конструкций, в которых эта логика отношений выражается не столь зримо и формально поверхностно, как в сложных предложениях, а несколько имплицитно (неявно), в более абстрактных отношениях между лексико-грамматическими (членами предложения) элементами простого распространенного предложения. Без этой логики отношений, без этой диалектики противопоставлений нет внутренней формы пословицы, нет ее символично-концептуальной сути, знакомой, известной каждому носителю языка, который в силу этой общеизвестности может использовать пословицу «к месту».

Поэтому проблема вариативности синтаксических структур простых и сложных по строению пословиц – проблема не формальной организации этих единиц, а сложный вопрос явного или скрытого представления внутренней формы данных пословиц, вопрос о степени логико-грамматической абстракции семантической структуры пословиц; к тому же это достаточно действенный критерий для разграничения пословиц от поговорок.

Чем шире текст пословицы, т.е. чем больше лексико-грамматических средств выражения компонентов смысла пословицы и ее семантической структуры, тем очевиднее и явственнее обнаруживается логико-смысловые отношения, составляющие

каркас всей конструкции, тем яснее контуры внутренней формы пословицы, контуры типичной (символической) картины мира, за счет которой и живет, действует пословица. В «полнокровных» сложных конструкциях все параметры смыслового и формального строения служат достаточно примитивному восприятию концепта, представленного в пословице, и «картированной» ситуации: синтаксическая форма предложения становится первым показателем его когнитивной ориентации, его познавательного назначения. Использование полноценной или сокращенно-«сгущенной» формы во многом зависит не от языковой компетенции говорящего субъекта (хотя и это в данных случаях немаловажно), а от ситуации употребления той или иной формы, т.е. от познавательных возможностей слушающего: одно дело упрощенная ситуация, определяемая целым текстом «Bir gün dəvəni toya çağırırlar, dəvə deyir: çalmağım-oxumağım yox, oynamağı da bacarmıram: deməli ya su daşımağa gərək olmuşam, ya da odun daşımağa», другое дело сжатая форма этой притчи «Dəvəni toya çağırıldılar – ya odun daşımağa, ya su daşımığa» или окончательно редуцированная форма «Dəvəni toya çağırıblar...». полную форму притчи адекватно может воспринять и человек, который не знал этой притчи вовсе: для него языковая картина строится «с нуля», со всеми интерпретационными деталями. Конструкция «Dəvəni toya çağırıblar...» может быть адекватно воспринята только тем, кто знаком с поговоркой в ее расширительной (притчевой) форме, которая служит для него внутренней формой поговорочного выражения, то есть основой понимания смысловой структуры поговорки и той картины мира, которая запечатлена в ней.

Условно-следственные смысловые отношения в полных формах двучастных сложных конструкций снимают семантическую глубину ситуации, языковой картины, тогда как эти отношения оказываются скрытыми в простых (предложенческих) формах и обнаруживаются лишь на фоне конкретной осведомленности слушателя о смысле поговорки, о ее когнитивной заряженности: познавательный эффект простых выражений «Dəvəni toya çağırıblar...», «Uman yerdən küsərlər», «Служение Богу за деньги...», таким образом, оказывается обусловленной фактором знания/незнания исходной формы (двучастной) конструкций, представляющих диалектику и логику условно-следственных отношений деталей ситуационной картины мира на поверхностном уровне.

Не все пословицы и поговорки оказываются доведенными до своей минимальной формы. Здесь срабатывает механизм частотного их употребления: чем выше степень частотности употребления, тем более паремиологическая единица подвергается различным процессам сокращения – элиминации частей, редукции элементов, контаминации (смешении). Сжатие текста паремиологической единицы до минимального состава становится закономерно возможным благодаря и тому, что эти конструкции, как мы уже отметили, представляют гомогенную, идентичную форму –

форму констатирующего утверждения, грамматически представленного повествовательными предложениями, в которых предикативные категории времени, места и лица абсолютно обобщены в своих панхронических, панлокальных и пансубъектных проявлениях [4, с.144-150]. Постоянство индикативного оформления отмеченных генерализованных категорий пословиц создает благоприятные условия для когнитивно более выразительной сокращенной формы.

Однако сказанное не отрицает факт существования пословиц, выраженных другими наклонениями – побудительным или вопросительным по форме предложениями. Вместе с тем, трудно делать далеко идущие выводы по поводу системной соотнесенности разных форм пословиц или поговорок по целеустановке. Нет, в строгом смысле слова, пословичных изречений, выражающих побуждение или вопрос в их сугубо терминологическом значении. Трудно согласиться по данному вопросу с Л.Б.Савенковой, противопоставляющей «побуждение» в пословицах с индикативными (базовыми) формами пословиц «Береги платье снову, а честь смолоду»; «С сумой да с тюрьмой не бранись», и на этом основании заключающей: «... Рациональнее исследовать семантическую структуру пословиц, опираясь не на собственно логическую, а на сугубо лингвистическую... их специфику» [12, с.101].

Мы убеждены в другом. Релевантной для пословичных конструкций все же является индикативное оформление, т.е. оформление в рамках изъявительного наклонения, обусловленного логикой констатирующего мышления. Все иные формы пословиц – вопросительные, побудительные – являются стилистическими синонимами повествовательных форм; и нетрудно доказать, что вопросительные конструкции пословиц все до единой представляют риторические вопросы, а побудительные предложения являют собой особые индикативные конструкции, специфически структурированные благодаря полифункциональности русского вторичного императива, который является «эстетическим» субститутутом того же индикатива: От сумы, да от тюрьмы не зарекайся (т.е. не следует зарекаться, потому что со всяким они могут случиться).

Следовательно, отмеченные условия-факторы имеют достаточно силы влияния на сокращение паремиологических единиц: в сокращенных формах генерализованными (абсолютно абстрактными) предстают все категории семантической структуры – и денотат, и сигнификат, и время-пространство и лицо, - которые в целостном восприятии осмысляются как одна единая гиперкатегория. Последняя и составляет основу максимально оптимизированной картины мира максимально сокращенным текстом, напоминающим алгебраическую формулу – *Uman yerdæn küsərlər*, или Вола на свадьбу зовут, или *No man is a hero to his valet* (нет пророка в своем отечестве).

2. Когнитивные и коммуникативные функции паремииединиц

Квантитативные (количественные) изменения, трансформации паремиологических конструкций объективно подводят также к неправильной мысли о том, что основу устойчиво-стабильной семантики пословиц и поговорок составляют не только логико-смысловые отношения, явно или скрытно выраженные сложными или простыми предложенческими конструкциями. Здесь немаловажную роль играют данные, показатели соотнесенности категориальных значений утверждения/отрицания, значений, обязательно сопутствующих друг другу: если паремиологическая конструкция построена в утвердительной форме (Uman yerdən küsərlər, В тихом омуте черти водятся; One's tongue runs before one's wit = язык прежде ума рыщет), то это утвердительное значение достигает цели не совсем самостоятельно: утверждение в этих конструкциях в любом случае скрытно (имплицитно) соотносится с отрицанием и предполагает его подспудного наличия, его фонового, теневого участия. И наоборот, тот же механизм имплицитного, фонового участия объективизируется в отрицательных формах паремий: не боги горшки обжигают; Qonaq imduğunu yeməz и т.п.

Следовательно, когнитивный механизм адекватного восприятия обобщенного (концептуального) смысла пословицы «работает по шкале» отмеченной логико-грамматической категории асертивности (утверждения/отрицания), актуализируя то негативный, то позитивный смыслы. Как ни парадоксально звучит, именно это свойство разводит отмеченные смыслы по углам, противопоставляет их: негативно оформленные паремии не имеют позитивных «парадигматических» форм и, наоборот, положительно оформленные конструкции не могут функционировать в негативной форме. Такое положение можно проиллюстрировать соотносительными конструкциями: Quyuva su tökməklə quyu sulu olmaz = Quyuva su tökməklə quyu sulu olmaz, su gərək quyunun dibindən çıxar; Не боги горшки обжигают – те же люди (это делают).

Более всего выдвинутая мысль подтверждается случаями, когда несколько лексико-грамматических вариантов и синонимических форм актуализируют одну семантическую структуру – либо утвердительную, либо отрицательную:

- 1) – Qurdnan qiyamətə qalmasıyaq ki! (отрицание)
 - Qurdnan qiyamətə qalmasıyaq (ироническое отрицание)
 - Qurdnan qiyamətə qalmasıyaq?! (риторическое отрицание)
- 2) – Каждый гриб в руки берут, да не каждый в кузов кладут
 - Не всякий гриб в лукошко кладут (отрицание)
 - Всяк ли гриб в лесу в кузовок ползет?! (риторическое отрицание - вопрос)

Таким образом, внутренняя форма паремиологической единицы как базовая сущность, выявляется не только на фоне вышеотмеченной системы логико-смысловых отношений, являющихся грамматическим значением сложного (бинарного)

предложения. Она оказывается в известной мере обусловленной актуализацией дихотомии утверждение/отрицание не столько как логико-грамматической категории, сколько когнитивно-познавательной языковой способностью «говорящего» социума, его мировосприятием. И представляется, что концепты представленные в смысловой структуре паремий (время, пространство, родина, семья, любовь, дружба и т.п.), находят свою когнитивную интерпретацию, во многом благодаря степени прозрачности и степени экспликации (материального выражения) вышеотмеченных категорий межкомпонентных смысловых отношений (их представления в простых предикативных конструкциях), и сложного взаимодействия сторон единой категории утверждения/отрицания. Видимо, это имела в виду Л.Б.Савенкова, которая в своей известной монографии отмечает: «... Пословица остается пословицей, т.е. воспроизводимым и наделенным устойчивой семантикой изречением, только до тех пор, пока прозрачна его внутренняя форма» [11, с.120].

В силу отмеченных конструктивных и логико-семантических свойств, паремиединицы как языковые явления неизбежно выполняют, по мнению Е.С.Кубряковой, «две функции: когнитивную (по их участию в процессах познания) и коммуникативную (по их участию в актах речевого общения)» [7, 11].

Исходя из вышеозначенных дихотомических ценностей и конститутивных свойств паремиединиц, можно предположить, что они представляют, в отличие от номинативных языковых единиц, концепты в их системных противопоставлениях, т.е. в оппозитивных представлениях. Это означает, что паремиединицы (особенно пословичные модели), обладая «генетическими» возможностями совмещать номинативность (как знаковая номинация типической ситуации) и коммуникативность (предикативная единица, выполняющая прагматико-коммуникативную функцию), и в то же время выступать в функции знака, совмещающего две формы единой категории (впрочем, сугубо когнитивной) ассертивности в специфическом имплицитно/эксплицитном ее проявлении, репрезентируют концепты в их системно-оппозиционных обозначениях. Иначе говоря, в базовой структуре и глубинной семантики лежат не однозначные «концептные структуры» типа дом, родина, тороватость и т.п., а бинарные антиномии типа добро-зло, родина-чужбина, любовь-ненависть, тороватость-скупость и т.п.

Подтверждением данной мысли, которую мы предлагаем вниманию паремиедологов и когнитивистов, могут служить, по нашему убеждению отмеченные чуть выше аргументы, а также еще одно существенное свойство пословичных изречений, связанное с метаязыковым значением пословиц. А метаязыковое значение, как правило, раскладывается, интерпретируется в системе антиномий. Так, Ю.И.Левин в известной своей работе «Провербальное пространство» отмечает, что значение пословицы может быть зафиксировано на метаязыке (оно более системно, чем категория «смысл», которая соотносится со схемой конкретной ситуации, «заполняет ситуационную

нишу)), и что значение пословицы в принципе может быть раскрыто через антиномии: «Для пословицы «своя рогожа чужой рожи дороже» такой записью (метаязыковым описанием – И.Г.) может быть, пишет Ю.И.Левин: Любой объект, *которым обладает некоторое лицо* (в том числе имеющую малую ценность), более ценен для этого лица, чем любой объект, *которым оно не обладает* (в том числе имеющий объективно большую ценность)» [5, s.485].

Стало быть, концепт, представленный в семиотической сетке данной пословицы, должен быть обозначен также в рамках антиномии «свое-чужое», как это классически представлено в сборнике «Пословицы русского народа» В.И.Даля во всех тематических группах.

Так что, если концепт как категория, как «вербализованная система мировоззренческих понятий» характеризуется инвариантностью, то инвариантность логичнее обозначить на плоскости антиномий, нежели одиночными квалификаторами-понятиями, «погруженными в национально-культурную систему».

Внутренняя разновидность концептуальной семантики пословиц особенно ярко проступает в значении иронических пословиц, особенностью которых является, как известно, импликация столкновения правды и лжи, когда «девиация (преднамеренное отклонение – И.Г.) происходит в момент формирования иронии на когнитивном уровне. Частичное нарушение... и противоречивость логики когнитивной схемы являются той диспропорцией, которая формирует иронию и, во многих случаях, комический эффект» [2, s.102].

По мнению С.Н.Балашова, «адресат иронии сопоставляет ироническую когнитивную модель с нейтральной схемой, информация о которой находится в его когнитивной карте; полученное несоответствие интерпретируется как фактор присутствия иронического смысла» [2, s.102].

Трудно не согласиться с заключением автора, с его комплексом аргументов, основанных на формально-логических свойствах иронического дискурса. Однако нельзя упускать из виду факт отсутствия однозначного соответствия механизма иронического дискурса, конструируемого от случая к случаю, т.е. на базе нейтрального дискурса, и механизма иронической устойчивой паремиологической конструкции, т.е. готовой иронической модели. Ирония – девиация скрытная, глубинная. В моделях нейтрального общения ирония создается специальными средствами – специфической интонацией, жестами (подмигиванием, покашливанием), «скопление высокопарных выражений, рискованные метафоры» и т.п. [3, s.78]. А в иронических паремиях ирония как модель, как штамп получила свое устойчивое изображение и употребляется к месту, если, конечно, говорящий обладает достаточным арсеналом подобных пословиц или поговорок. Так, например, в ситуации, когда говорящий хочет иронизировать по поводу неаргументированных претензий человека, который требует чьей-то

благосклонности в то время, когда сам не проявляет ничего равноценного, он может сформулировать ироническую модель высказывания типа «Ну да, конечно, ты сам (или «мы сами») суций пример благородства и самопожертвования», сопровождая это высказывание специфической для таких ситуаций интонацией и другими невербальными средствами общения, имея в виду, конечно, совершенно обратное: «ты сам никогда не проявлял благосклонности к другим и нечего требовать благородства от других».

Это – образец конструирования когнитивной модели иронии в нейтральном дискурсе. Но там же адресант (субъект речи) может использовать в данной ситуации иронические паремии «Үау қарғи кими өзүн пә уағуысан һамиуа?!» или «Allah kora несә баһарса, кор да allaha елә баһаг», которые выражают ироническую модель в готовой, устойчивой форме, которая особенно и не нуждается в применении иных невербальных средств языка (хотя использование и тех средств не исключается).

Словом, иронический дискурс и, особенно, иронические пословичные конструкции (Не умер Вавила, болячка задавила; Угорела барыня в нетопленной горнице и т.п.) всегда когнитивно заряжены. Поэтому метаязыковые обозначения «когнитивные модели иронии», «когнитивная ирония» и т.п., на наш взгляд, носят тавтологический, плеонастический характер: некогнитивных моделей иронии не бывает. Механизм иронии всегда формируется в системе познавательных возможностей адресата: он должен уметь соотносить «истинное положение дел» с творимым говорящим субъектом ложным образом мира, и от столкновения этих двух сторон вербальной картины (от столкновения кремней) извлечь ту искру смысла, которая и называется иронией (или юмором, сарказмом, шуткой). Основой внутренней формы иронических паремиединиц является именно это столкновение двух начал – явно выраженной лжи и скрытой, «под пеплом» правды.

3. Применение модели концепта «время»

Механизм «когнитивного моделирования иронии» более чем иные смысловые разряды паремиологических единиц свидетельствует о закономерностях когнитивной вербализации внеязыкового мира, о риторических возможностях формирования когнитивных схем в языке. Ирония – это особая форма «эвфемизации» лжи (иносказания). А эвфемизация – процесс творческий. Стало быть, в основе механизма «ирониодеривации» лежит специфический творческий акт, подтверждающий деятельностный характер не только речи, но и в структуре его имени» [8, s.121].

В этом ракурсе весьма примечательна, например, трактовка концепта «время» в сознании того или иного этноса.

Концепт «время» - один из многочисленных концептов русского языка, имеющей соотносительно-сущностные свойства «архетипа – и его имени». Так, Л.С.Орлова применяет модель анализа концепта «время», исходя из предложенной

Е.И.Зиновьевой и Е.Е.Юрковым модели описания концептов, которая включает а) исследование этимологии ключевого слова (в языковых выражениях, включающих концепт «время»), б) анализ лексикографических источников, которые позволяют выделить ядро концепта, в) анализ метафорических употреблений, г) обращение к ассоциативным словарям [9, s.191].

На наш взгляд, предлагаемая схема конгломеративна: она представляет смесь лингвистических (этимология слова, опора на лексикографические источники и т.п.) и когнитивных параметров концепта «время». Сама этимология слова «время», по всей видимости, не дает оснований для рассмотрения слова в качестве концепта. Поэтому в подобных случаях скорее всего следует исходить из комплекса тех текстов-наименований, в которых концепт выступает как функциональный элемент. Лишь тогда, видимо, анализ по установлению ядерной/неядерной позиций слова-понятия в качестве концепта достигнет цели. Сугубо лексикографическое описание (напр., материал толковых словарей) не дает достаточно объемной информации о характере понятия, которое рассматривается как концепт. Здесь скорее всего следует исходить из материалов специальных (фразеологических, паремиологических словарей, словарей крылатых выражений) словарей, которые представляют данный концепт не только в его лексическом (лексемном) исполнении, но и особенно в тексто-символическом использовании. Ведь ясное дело, что свободные сочетания типа «время обеда», «времена тех событий» и т.п. характеризуют данный концепт в основном с позиций хронологии, а паремио-фразеологические единицы (т.е. устойчивые словесные комплексы отдельных разрядов) не только с позиций хронологии, но и с позиций номинации факта, его субстантивного имени, его символической и семиотической сути, когда понятие «время» возводится мифологическим мышлением этноса в ранг чего-то одушевленного: «Всякое явление, созерцаемое в природе, делалось понятным и доступным человеку только через сближение со своими собственными ощущениями и действиями» - писал А.И.Афанасьев [1, с.38]. Более того, только в паремио-фразеологических единицах представлен полнокровный синонимический блок обозначений времени (время, час, пора, век и т.п.), «которые являются языковыми маркерами национально-культурного сознания в структуре концепта время» [9, с.193].

Заключение. Нельзя не согласиться, однако, с автором в его решении давать характеристику концепта в комплексе а) образных составляющих, б) аксиологических составляющих, в) ассоциативных составляющих, которые в самой яркой форме представлены в метафорических номинациях, фразеологических конструкциях и паремиологических изречениях с концептом «время»: время молодое; золотое время; временем на коне – временем под конем; Делу время – потехе час; В русский час много воды утечет и т.п.

Как видно устойчивые словесные комплексы, особенно пословицы «создают более цельное образное представление о времени в русском национальном сознании»; в сознании русского народа представления о времени живут на уровне архетипа [9, s.197].

Итак, если «тот пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово «время» и есть концепт «время», то для полноценного выявления этого концепта следует задействовать материал всех пословиц и поговорок, в которых данный концепт находит свое образные, ассоциативные и аксиологические составляющие. Однако если учесть активизацию лингвокогнитивного процесса перефразировок паремиологических единиц, то в этот комплекс семиологических параметров необходимо включить и креативные составляющие (оказионально-авторские образования).

Следовательно, категоризация концепта должна реализоваться на обязательном фоне всех пословичных конструкций, которые помогают «установлению общности фрагментов действительности и выработке для этой общности мышлением обобщающего понятия, которое получает закрепление словом» [10, s.127].

Литература

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. М.: Современник, 1982, 462 с.
2. Балашов С.Н. Иронический дискурс: когнитивное моделирование иронии. Тезисы докладов IV международной научной конференции «Язык, культура, общество». М., 2007, с.102-103.
3. Вайнрих Х. Лингвистика лжи. Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987, с.44-87.
4. Гамидов И.Г. Философия грамматики паремио-фразеологических единиц. Изд. 2-ое. Баку: Мутарджим, 2017, 368 с.
5. Крейдлин Г.Е. Структура афоризма. Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987. М.: Наука, 1989, с.196-205.
6. Кручинкина Н.Д. Событийный концепт. Тезисы докладов IV Международной научной конференции «Язык, культура, общество». М., 2007, с.120-121.
7. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Языки славянской культуры, 2012, 208 с.
8. Кузина И.Ю. Антропоцентричность и параметрическая характеристика объектов в языковой картине мира. Тезисы докладов IV Международной научной конференции «Язык, культура, общество». М., 2007, с.121-122.
9. Орлова Л.С. К вопросу о содержании концепта «время» в сознании русского этноса. Материалы XII конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве», т.2. Шанхай (Китай), 2011, с.191-198.

10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ Восток-Запад, 2010, 314 с.
11. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону, 2002, 240 с.
12. Савенкова Л.Б. Отрицательное сравнение в семантической структуре русских паремий. Философия и культура, №2 (40), 2015, с.101-106.